

2. Бунин И. А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 4. М., 1966.
3. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 9 т. М., 1994.
4. Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 12 т. Т. 1. М., 1982.
5. Жолковский А. К. «Блуждающие сны» и другие работы. М., 1984.
6. Норштейн Ю. От сценария к фильму // Искусство кино. 2001. № 12.
7. Происхождение фамилии Фисунов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ufolog.ru/names/order/Фисунов> (дата обращения: 20.03.2015).
8. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 5. М., 1975.
9. Фамилия Фисун — значение фамилии Фисун [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pseudonim.ru/fam/absey.htm> (дата обращения: 20.03.2015).
10. Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М., 1996.

Л. В. Маштакова

Екатеринбург

«Rosarium» Вяч. Иванова: особенности символики числа *три*

«Cor Ardens» (1911–1912) Вячеслава Иванова, третья книга лирики поэта, пожалуй, самая непростая и неоднозначная. Книга выдержала несколько авторских редакций и, будучи опубликованной в окончательном варианте в 1912 г., соединила в себе тексты Иванова разных лет в монументальном ансамблевом единстве. Масштабные объединения сложной композиции — общая тенденция в русской литературе модернизма, но к произведениям символистов это относится в наибольшей степени. При этом не последнюю роль для символистов при издании сборника играли графические особенности (обложка, шрифт, интервалы, расположение строк), особенности расположения конкретных циклов, стихотворений и т. д. Исследованиям этой области организации поэтической книги посвящены работы Н. В. Котрелева, А. С. Кушнера, Р. Д. Тименчика, Л. В. Спроге, О. А. Лекманова, Ю. Б. Орлицкого и др. «Структурная организация текста, — пишет В. В. Баженова, — является частью литературной стратегии... определяет траекторию чтения и дает различные смыслы» [2, с. 140]. В школе символизма обозначенные выше паратекстуальные элементы приобретали символический характер. Данная статья имеет целью проанализировать структурные компоненты книги пятой «Cor Ardens» — «Rosarium» (завершающая, итоговая книга) и, как следствие, выявить связи композиции «Cor Ardens» с символикой числа *три*, играющей здесь особую роль. Однако ввиду тяготения поэта к системности, обобщению, рассмотрение конкретной книги в составе «Cor Ardens» достаточно часто перекликается в ходе нашего анализа с общей сюжетной, смысловой,

символической направленностью «Cor Ardens» (в частности, с внутритекстовой числовой символикой).

Число явлено поэзии Иванова в синкретическом контексте орфизма, пифагорейства, христианства и розенкрейцерства, где зачастую невозможно выделить его одно актуальное для конкретного стихотворения (цикла, книги и т. д.) значение. Для Иванова «число существует», «число считается вещью» [10, с. 262], а потому его количественное значение переплетается с лексическим, равнозначимы становятся текст, и паратекст, и затекст.

Символика числа *три* проходит через всю книгу «Cor Ardens». Две терцины — концовка сонета (одна из обширных частей книги — «Сонеты»), терцинами написана поэма-повесть «Феофил и Мария», имеющая 130 строф (включая одну неполную), также в книге представлены стихотворные триптихи, три пронумерованных раздела с газэлами, три пронумерованных части «Эпических сказов и песен», три пронумерованных части «Tertis Eburnea», слово «роза» и производные от него встречаются в книге около трехсот раз. Вокруг числа *три* строится поэма «Солнцев перстень»¹. К примеру:

...«Три кольца — мои загадки,
Три стрелы — твои разгадки:
Вышли стрелы в три кольца, —
Три добычи у ловца!»...

[5, с. 473]

В «Розе волхвов» поэт упоминает трех библейских персонажей, а в стихотворении «Три гроба» обыгрывает апокрифическую песню:

Высоки трех гор вершины,
Глубоки три ямовины;
На горах три домовины.

На горе ли поднебесной
Сам лежит Отец Небесный;
Что пониже ли гробница —
В ней Небесная Царица;
По пригорью недалеко
Третий гроб — Иван-Предтечи...

[5, с. 466]

В тройном венце из роз — царица Савская («Роза царицы Савской»). Три розы, уже упоминавшиеся, тоже устойчивый образ для книги пятой,

---

¹ Сюжет поэмы строится вокруг разгадывания героем тайны каждый день умирающего солнца, для чего он совершает мистическое путешествие на «огнегнвом коне» и выручает таинственный «солнцев перстень». В данной статье для нас важна частотность числа три в поэме. Переключки с первым поэтическим циклом «Cor Ardens» «Солнце-сердце» и солнечно-сердечной символикой у Иванова вообще, мотивом двойничества и воссоединения с двойником подробно описаны Л. Г. Каяниди [6, с. 43–63].

символизируют небеса, четыре — землю, а в сочетании с крестом — объединение небесного и земного («твердь земли» и «твердь небес», столь характерные для Иванова).

Роза может находиться в «тридевятиом царстве» («Роза меча»), и здесь появляется символика числа *девять* (трижды по три):

...В тридевятиом, невидимом царстве
Пленена густой дубравой Роза.

За вратами из литого злата,
За шелковой заставой Роза...

[5, с. 451]

Девять пронумерованных строф имеет стихотворение «Белът», девять частей составляют всю книгу «Rosarium» и предшествующую ей книгу в «Cor Ardens» «Любовь и смерть», как и книгу первую «Cor Ardens. Пламенеющее сердце». Эти девять частей ни в одной из книг не пронумерованы, но выделены шрифтом. В поэзии символизма такие совпадения случайными быть не могут.

В связи с этим вспоминается не только христианская числовая символика троичности (которая, думается, не требует дополнительного толкования), но и «Божественная комедия» Данте, что поддерживается многочисленными реминисценциями и цитатами в конкретных стихотворениях Иванова, тем более что на протяжении 1910-х гг. поэт занимается переводами Данте. Близость Иванова творчеству итальянского средневекового поэта — тема для литературоведения не новая [см.: 1, с. 121–171; 4; 13; 11; 7]. Для Вяч. Иванова Данте — не столько вновь актуализованная реальная фигура культуры Средневековья, сколько символ, приобретающий иные коннотации, а текст «Божественной комедии» органично вписывается в полотно «Cor Ardens» — и «Rosarium» в частности. Поддерживается эта связь и на уровне структуры. В «Божественной комедии» три части по тридцать три песни, написанных терцинами, что напоминает о Троице и 33 годах жизни Христа. Иванов же акцентирует внимание также на фигуре своей Беатриче, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (идея Вечной Женственности, обожествления возлюбленной и служения ей — одна из центробразующих для младосимволизма), потому, следуя изначальному замыслу, «42 сонета и 12 канцон должны... войти в... книжку [“Любовь и смерть”]... по числу лет нашей жизни и жизни совместной» [цит. по: 8, с. 322], — пишет Иванов в 1908 г. в дневнике.

Итак, число *три* не только пронизывает большинство стихотворений в «Rosarium», но и четко просматривается в композиции этой части «Cor Ardens». Выбор поэтом именно этого числа может объясняться несколькими причинами, исходящими из итогового положения книги «Rosarium» в «Cor Ardens». Целое «Cor Ardens» на уровне лирического сюжета, сверхсюжета представляет собой единый путь лирического героя, путь становления, это подчеркивалось большинством исследователей творчества Иванова. Начавшийся с символа солнца-сердца (книга первая «Cor Ardens», цикл «Солнце-сердце»), насыщенный античной,

дионисийской символикой, этот путь приходит к символу розы и символике христианской. В 1910-е гг. поэт также увлекается розенкрейцерством, где символика числа *три*, имеющая христианские корни, углубляется, расширяется, приобретает оккультные черты (подробнее см., напр.: [12]) (три стадии духовного роста, троичность в розенкрейцерской космогонии и т. д.). Вся вторая часть «Cor Ardens», включающая «Rosarium», несомненно связана и с тесным общением поэта с известной в Петербурге начала века оккультисткой А. Р. Минцловой. Именно она в одном из писем указала три пути восхождения человеческого духа: теософский, христианский и розенкрейцерский, описала ступени восхождения (см. подробнее: [3]). О том, какой путь выбрал Иванов и состоялся ли выбор вообще, можно спорить, но неизменной остается важность числа *три*, «вплетающегося» в целое лирической книги наравне со словом-символом, подтверждающая состоявшийся переход поэта от темы «эллинской религии» — к христианству или христианству с отпечатком розенкрейцерства. Это во многом обуславливает итоговость книги «Rosarium» в «Cor Ardens».

В связи с тройкой стоит упомянуть и пифагорейское учение о числе, с ним связана символика диады и триады у Иванова, женского и мужского начал, четного и нечетного, праосновы мира. Первое также соответствует земному, второе — небесному. Г. А. Степанова, обращаясь к трагедии Иванова «Прометей», выделяет нечетный символический ряд (три, пять, семь) и четный (два, десять) [9, с. 123]. Аналогичному выделению числовых рядов поддается книга «Rosarium». Но в ней, как в итоговой, в меньшей степени проявлена оппозиция чет-нечет, к примеру:

Кто нашел на стебле три — розы,
Небом избран тот в цари — розы.

Три в руках; четвертый дар — счастье
В лоне дней: кто смел, сberi — розы.

[5, с. 462]

Три — небесное царство, четыре — земное, роза здесь примиряет два пространства, снимает оппозицию. Единение четного и нечетного приравнивается к счастью. Три и четыре (дважды по два) — катрены и терцеты в сонете (символическая и герменевтическая основа этого жанра известна), триптихи и диптихи Иванова в книге «Rosarium» (если поэт обращается к такому экзотическому жанру, он непременно упоминает об этом). Три и два — числа, на которых поэт располагает акценты, но не противопоставляет их, как бы примиряя чет и нечет.

Число здесь не только «существует», «считается вещью», оно равно символу, действует как символ. То есть не только номинации числа в разных произведениях книги и «Cor Ardens» в целом («три волхва» или «семь ключей») символичны, но число как символ эксплицируется в композиции книги и «Cor Ardens», действует наравне с символом, а не просто поддается его влиянию, создавая

некую проекцию микро- и макрокосма, объединяющую «твердь земли» и «твердь небес», гармонию, смыкающиеся круги. Это буквально — символизм в действии.

Литература

1. Асоян А. А. Данте и русская литература. Свердловск, 1989.
2. Баженова В. В. Эстетика и архитектоника лирического сборника 50–60-х гг. XX в. «День поэзии» // Авторское книготворчество в поэзии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск — Челябинск, 19–22 марта 2008 г.) : в 2 ч. / отв. ред. О. В. Мирошникова. Омск, 2008. Ч. 1.
3. Богомолов Н. А. Anna — Rudolph // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 21–110.
4. Иванов Вяч. (Из черновых записей о Данте) / вступ. заметка и подг. текста А. Б. Шишкина // Вячеслав Иванов : Материалы и исследования / ред. В. А. Келдыш, И. В. Корецкая. М., 1996. С. 7–13.
5. Иванов Вяч. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт ; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1971–1987. Т. 2.
6. Каяниди Л. Г. Структура пространства и язык пространственных отношений в поэзии Вячеслава Иванова : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2012.
7. Кейдан В. По усмотрению искусства: Данте в переводе В. Ф. Эрн и Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 2003. Vol. XXII. 1. P. 219–231.
8. Помирный Р. Е. Комментарии // Иванов В. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 2. СПб., 1995.
9. Степанова Г. А. Идея «соборного театра» в поэтической философии Вячеслава Иванова. М., 2005.
10. Титаренко С. Д. «Фауст нашего века»: мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб., 2012.
11. Устинова В. А. Традиции Платона и Данте в поэтическом сознании Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией : VIII Междунар. конф. (28 окт. — 1 нояб. 2001, Рим) / a cura di Andrei Shishkin. Salerno, 2002. Vol. 1. P. 321–338.
12. Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии [Электронный ресурс]. URL: http://www.telesmi.info/holl/enc_content.htm (дата обращения: 24.09.2014).
13. Шишкин А. Б. «Пламенеющее сердце» в поэзии Вячеслава Иванова: К теме «Иванов и Данте» // Вячеслав Иванов : Материалы и исследования / ред. В. А. Келдыш, И. В. Корецкая. М., 1996. С. 333–352.